

Пенсию начали выдавать с большим опозданием. В Сбербанке и рядом на улице скопился внушительная толпа пожилых людей... Пришлось Антонине Степановне очень долго стоять в очереди.

Там она наслушалась невесёлых историй от стариков и старух, обижённых на власти предрекших. Насмотрелась на их наспуленные, неприкаянные лица.

Посему Антонина Степановна вернулась домой нескоро. Голодная. Усталая. Печальная.

Она подогрела немного пшённой каши. Вскипятила воду. Добавила чуть-чуть заварки. Отрезала и опустила в чашку прозрачный ломтик лимона. Взяла кусочек чёрного хлеба, ложку. И быстро... поужинала.

Голод тут же ушёл. Усталость — вроде бы тоже. А вот печаль осталась. Да такая безысходная. Хотя волком вой... Впрочем, от этой, особенно частой в последние годы «болезни» имелась у Антонины Степановны надёжное, проверенное «лекарство».

Она пошла в комнату. Не без труда вытаскала стоящую между тумбочкой и стеной довольно тяжёлую «Каравеллу». (Лет тридцать с лишним назад её подарил муж, умерший сравнительно недавно).

Антонина Степановна постелила на старый полированный стол махровое полотенце. Аккуратно поставила электрофон. И ласково протёрла его мягкой тряпочкой.

Откинула переднюю деревянную стенку с укрепленными на ней электродвигателем, вращающимся диском для грампластинок и звукоусилителем. Воткнула штепсель в розетку — «Каравелла» ожила. Чуть слышно заурчала.

Антонина Степановна подошла к тёмно-коричневому шкафу. Щёлкнула золотистым ключиком и открыла дверцу.

Медленно, с трудом опустила на колени. Дабы не торопясь выбрать любимую пластинку из сплошного, длинного ряда на нижней полке.

Неожиданно она передумала. И вытаскала первые попавшиеся. Ведь когда накатывалась печаль, её «вылечивала» разная музыка.

Задумчивая или бравурная. Грустная или озорная. Из оперы или балета. Симфония или песня. Классическая или народная... Любая.

Главное, чтобы побыстрее одинокая квартирка до краёв наполнилась замечательными музыкальными звуками. Они-то всегда безотказно и помогали постепенно избавиться от недуга.

На первой грампластинке оказался удивительный «Вальс-фантазия» Глинки. Потом Антонина Степановна поставила «Эй, ухнем» в исполнении Шалапина. Послушала Лемешева. Архипову. Вертинского.

Она сидела в кресле с закрытыми глазами. Иногда еле слышно подпевала. Или отбивала ритм ногой.

Или плавно жестикулировала руками, словно дирижировала невидимым оркестром. Или покачивала головой. И... счастливо улыбалась.

Печаль постепенно и окончательно отступила. Ничего от неё не осталось. Даже воспоминаний. Снова захотелось жить. И по-прежнему хоть понемногу помогать другим.

Каждый месяц Антонина Степановна обязательно откладывала из своей кучей пенсии сотню. Меняла её на рубли. И звонкими серебряными купюрами раздавала... уличным музыкантам.

Почему именно им?... Да потому, что просто преклонялась перед теми, кто наделён музыкальным талантом. Всегда по добродурию завидовала этим людям. И одновременно постоянно вспоминала свою главную, одну-единственную детскую мечту.

Действительно. Тогда, давным-давно, она страстно желала лишь одного: побыстрее вырасти и стать... музыкантом. И никем другим.

Поскольку все остальные профессии представлялись ей нелепыми и неинтересными... Но оказалась, природа обделила её слухом. Хрустальная мечта мгновенно разлетелась вдребезги.

Были бессонные ночи. Горькие слёзы. Истерики. Несмотря на детскую трагедию, любовь к музыке и музыкантам всё же осталась непоколебимой на всю жизнь...

Прежде Антонина Степановна часто ходила в консерваторию. Музыкальные театры. Концертные залы. Слушала там солидную, интеллигентную, возвышенную музыку.

Она существовала как бы отдельно. Сама по себе. Выше обидных человеческих забот. Над хлебом насущным.

В перестроечные и постперестроечные времена услышала и узнала новую музыку. Голодную. Нищую. Опустившуюся. Она зазвучала на людных улицах и площадях. В метро и подземных переходах.

Малолетние и взрослые попрошайки, бомжи выдавали нечто несусветное на пионерских барабанах и крестьянских гармониях. На детских дудочках и свирелях. Дурными голосами жалобно пели «Бродяга к Байкалу подходит» и тому подобно невесёло-мрачное.

Позже к ним стали присоединяться люди, действительно умевшие извлекать звук. Нет, не профессионалы. А талантливые любители... И наконец-то на улице, в подземелье оказались настоящие музыканты-певцы.

Антонина Степановна, наверное, со всеми (или почти со всеми) современными (или почти со всеми) трубадурами была в дружеских отношениях. Знала их имена. Отчества. Фамилии. Биографии. Даже коронный репертуар каждого из них.

И все они знали, очень уважали её. Не потому, что каждый месяц она обязательно приносила им небольшие, но всё же деньги. Нет, дело тут вовсе не в рублях... Причина в другом.

Антонина Степановна стала, без сомнения, самой преданной слушательницей московских улично-подземных музыкантов. И именно это они ценили превыше всего.

Ведь постоянно рядом туда-сюда мельтешили озабоченные своими невесёлыми думами рядовые москвичи. Им не было никакого дела ни друг до друга, ни до них.

Лишь изредка кто-то, пробега мимо, притормаживал. Лез в карман и слегка наклонялся. Равнодушно бросал пару монет в коробку. Шляпу. Футляр от инструмента... И мчался дальше как бешеный.

А вот Антонина Степановна всегда подходила к ним неторопливо и целеустремлённо. Специально, чтобы побыть рядом и послушать их пение или музыку.

Она вытаскивала из пакета лёгкий раскладной стульчик. И садилась неподалёку. В паузе сердечно благодарила исполнителя. И, несмотря на частые протесты, вручала кучку своих пенсионных рублей.

Прощалась до следующего месяца. И отправлялась к кому-то ещё или домой. Чтобы завтра навестить других своих подопечных...

Сегодня Антонина Степановна решила первым делом отправиться на «Улицу 1905 года». Там в подземном переходе, неподалёку от метро, целый день, меняя друг друга, музицируют любители и профессионалы. Иногородние и москвичи.

Утренние часы принадлежат полуслепому Андрею из города Балабаново... У него нет никакого музыкального образования. Но он прилично играет на синтезаторе, на котором стоит баночка для денег.

И поёт неплохо поставленным природо голосом. Его обширный репертуар простирается от моднобандитского «Владимирского центра» до современных эстрадных песен.

До 35 лет трудился слесарем на спичечной фабрике. После серьёзной бытовой травмы стал слепнуть. Пришлось уйти с работы и с трудом выживать на мизерную инвалидную пенсию.

Знакомый посоветовал отправиться в столицу и попытаться зарабатывать на жизнь... пеннием на улице. Без особой надежды Андрей попробовал. Неожиданно получилось.

Вот уже год три раза в неделю он встаёт в пять утра. Несколько часов едет на электричке до Москвы. Потом на метро добирается до «Улицы 1905 года». И приходит на своё нынешнее «рабочее место» в подземном переходе.

В середине дня его меняет длинноволосый рок-музыкант Александр с бас-гитарой. Ритм-машинкой. И небольшим комбоком (переносным усилителем с динамиком).

Подземелье теперь заполняют основные партии западных песен начала 70-х. Они сопровождаются звуком электронных барабанов.

Вот уж никогда не думала Антонина Степановна, что на старости лет станет разбираться в роке. Правда, не очень-то о ней нравятся.

Зато как самозабвенно играет парень! Полностью уходит в любимые мелодии и ритмы. Перестаёт вообще обращать внимание на окружающий мир. Забывает обо всём на свете.

Родом Александр из дальнего Владивостока. Ещё в школе занялся музыкой. Пару лет играл на гитаре в группе, солистом которой был неприметный приморский парень Илья с прогрессивнейшей позже среди молодёжи всей страны фамилией Лагутенко.

Отслужил в армии. Поступил в Ленинградскую военную академию. Не понравилось... Бросил и вернулся в родной город.

Освоил бас-гитару и отправился покорять столицу. Здесь встретился с будущей женой, жительницей Твери. Туда вскоре и перебрался.

На жизнь зарабатывает в Москве, в подземных переходах. Бывал на «Пушке», «Манежке». Но рано или поздно отовсюду сгоняли конкуренты... Здесь пока спокойно. Днём, во всяком случае.

Вечером тут, как знает Антонина Степановна, безраздельно и по праву властвуют москвичи-профессионалы, ветераны. Седовласые музыканты состав-

ляют джаз-бэнд в классическом виде. Саксофон. Тромбон. Туба. Аккордеон. Гобой. Ударные.

Они замечательно исполняют известные джазовые композиции... Раньше играли на Старом Арбате. Около них всегда собирались огромные толпы гуляющих москвичей и гостей столицы.

Однако год назад в здании, рядом с которым выступали, открыли очередной театр. Уличных музыкантов сурово попросили «срочно освободить место». И они перебрались в подземелье у «Улицы 1905 года».

Здесь редко удаётся заработать за раз больше, чем сотни полторы на человека. Иногда, правда, прямо из подземного перехода их приглашают на всяческие юбилеи. Свадьбы. Презентации.

Пару раз развлекали «новых русских» на дачах-дворцах. Там им заплатили,

никак не отмечая явно избыточное для подземелья мастерство этой немолодой женщины в тёмных очках.

Выпускница Горьковской консерватории Валентина Николаевна Вербицкая большую часть жизни кочевала с супругом-военным по стране. Наконец, осели в столице. Занималась в основном домашним хозяйством и воспитанием детей.

Смерть мужа. Долги после похорон заставили вспомнить профессию. Чтобы хоть как-то зарабатывать на существование. Устроиться в нормальный театр не позволяет существующий возрастной ценз.

Вот и исполняет она своим удивительным бельканто «Соле мио», «Санта Лючия», русские романсы, множество партий из «Тоски», «Бахчисарайского фонтана», «Риголетто» и

Отечественной зазвучал с немислимой печалью и болью. Мощно, как из динамика:

Чёрный ворон, чёрный ворон,
Что ты вьёшься надо мной?
Ты добычи не дождёшься,
Чёрный ворон, я не твои!

Что ты когти распускаешь
Над моею головой?
Иль добычу себе чаешь?
Чёрный ворон, я не твои!

Рядовой Великой Отечественной вспоминал и о «маменьке любезной». И о жене — «милой любушке». И о «платке кровавом». И о «смертельной ране»:

Вижу, смерть моя приходит, —
Чёрный ворон, весь твой!

И так Антонине Степановне стало горько на душе. Так невыносимо горько... Да и старость к ней опять вернулась. Одинокая. Немощная.

Медленно, с трудом переставляя ноги, она поднялась по лестнице из подземелья. Доволяла до своего дома и подъезжала.

Поднялась на лифте до нужного этажа. Открыла дверь квартиры. Оставила пакет с раскладным стульчиком в передней.

Прошла на кухню. Осторожно, опираясь рукой о стену, села на табуретку. Облокотилась локтями о стол.

Прижала морщинистые ладони к седым вискам. Закрывает глаза. И... заплакала. Горько-горько. Тихо-тихо.

Антонина Степановна плакала долго. До тех пор, пока немного не отошло. Не полечало... Открыла глаза. Вытерла мокрое от слёз лицо кухонным полотенцем.

Заставила себя выпить холодный чай с бутербродом. И включила телевизор, чтобы хоть как-нибудь развлечься.

Ничего достойного внимания она так и не нашла. Всё как обычно. На разных каналах одни и те же опротивевшие морды продажных политиков. Политологов. Журналистов.

Юродствующие ведущие ток-шоу и игр. Да западные и отечественные детективы с традиционно-обширным набором мужских и женских трупов.

Антонина Степановна решила прибегнуть к испытанному средству. К старой, но надёжной «Каравелле».

Для начала послушала «Царскую невесту» Римского-Корсакова, записанную на трёх больших грампластинках. Потом

Худ. Елена ПОПОВА

Дмитрий МЕЩАНИНОВ

Звёзды подземелья

Дмитрий Мещанинов родился в 1947 году в Москве. Окончил переводческий факультет Московского института иностранных языков им. Мориса Тереза (МГЛУ). Работая журналистом, много путешествовал, побывал на Памире и в Гималаях, был собственным корреспондентом газеты «Известия» в Афганистане. Его очерки печатались во многих журналах и газетах, включались в коллективные сборники. Автор нескольких сборников исторических и автобиографических рассказов. Из-под его пера вышло около десятка книг. Переводился на немецкий язык и дари.

ясное дело, от пуза...

Ждать джаменов до вечера не имело смысла. Антонина Степановна положила горстку рублей в футляр от бас-гитары. Поблагодарила за игру и попрощалась с длинноволосым рок-музыкантом.

Пошла в метро, чтобы навестить других своих давних и недавних знакомых... Она поехала на «Таганскую».

В переходе между кольцевой и радиальной линиями вот уже который год практически ежедневно трудится замечательный саксофонист с консерваторским образованием. До того как опуститься в «подземное царство», Николай добрый десяток лет отыграл в солидном оркестре.

Знает он теперь о многоликом музыкальном мире московского метро практически всё. За ним, как и за другими ветеранами, закреплены определённое место и время.

За что, естественно, по договоренности надо «отстёгивать» местным милиционерам. Те, в свою очередь, заранее предупреждают о днях, когда лучше не появляться. И, само собой, гоняют конкурентов.

Репертуар у Николая обширный и разнообразный. Антонине Степановне, к примеру, очень нравится в его исполнении «Серенада солнечной долины».

Играет саксофонист и на заказ. Как выяснилось, буквально вчера за приличную сумму «зелёных» он запросто «изобразил» каким-то уркаганам знаменитую «Мурку»...

От «Таганской» Антонина Степановна поехала по кольцу до «Октябрьской». Ей очень хотелось сегодня, в субботу, послушать замечательную певицу в переходе у метро.

Впрочем, не только она. Но и любой, даже неискушенный прохожий, навер-

других опер в подземных переходах. То здесь, как сегодня. То у метро «Пушкинская». То у «Сокола».

Всю её двухчасовую программу Антонина Степановна послушала от начала до конца с нескрываемым восхищением. Восторгом. Замиранием сердца.

Домой возвращалась в отличном, приподнятом настроении. Легко и быстро. Слово помолдела. Избавилась сразу от всех болезней... Она ступила на первую ступеньку лестницы, спускающейся в подземный переход под её проспектом.

Оттуда, из полумрака, донеслась очень грустная русская песня. Такая безысходная и печальная, что даже потолок грязного, пропахшего мочой подземелья заплакал мушко-грязными слезами недавнего дождя.

Антонина Степановна впервые увидела здесь этого фронтовика с Орденом Славы и двумя медалями «За отвагу» на потёртом пиджаке. То был наверняка один из тех стариков и старух, кто выходит на «подземную сцену» по бедности.

Воспитание, скромность или врождённая гордость не позволяют им просить подаяния. Или требовать помощи от государства, которое своим потом и кровью создавали. Защищали от врагов. Восстанавливали после войны.

Вот они-то, никому не нужные, старые-старые, битые-перебитые строители-воины, и подрабатывают пеннем. Либо игрой на разных инструментах. Либо тем и другим одновременно...

Она ступила на первую ступеньку лестницы, ведущей вверх из подземного перехода. Оттуда после короткой паузы снова донеслись звуки по-прежнему рыдающего аккордеона и невесёлые слова уже другой песни.

Хрипловатый голос рядового Великой

поставила свою любимую, с Первым концертом Чайковского...

Спать она легла успокоенная и счастливая. Неожиданно быстро и крепко заснула. И всю ночь ей виделись разные, нотолькодобрые и красивые сны.

Проснулась Антонина Степановна довольно поздно. Вставать очень не хотелось. Ещё долго она лежала в кровати и вспоминала своих знакомых улично-подземных музыкантов. С одними можно было встретиться сегодня. С другими — в будние дни.

Первыми почему-то пришли на память четыре небогатые одетые пожилые женщины в переходе на «Библиотеку имени Ленина». Они распевали старинные русские песни так слаженно и задорно, что лица многих вечно озабоченных москвичей непроизвольно расплываются в улыбку.

Верховодит квартетом благообразных пенсионерок невысокая, поленькая и очень шустрая Зинаида Михайловна. Неутомимая бабуля не только поёт в метро с давними соратницами по художественной самодеятельности, но и подрабатывает уборщицей в двух поликлиниках...

На Тверской, между театром Ермоловой и гостиницей «Интурист», шесть раз в неделю вечерами играют джазовые музыканты. Среди них едва ли не самый наш знаменитый барабанщик — Борис Матвеев.

Вышел на улицу заслуженный артист России много лет назад. Был на Арбате, в других популярных местах... Поначалу стеснялся. Тёмные очки надевал. Усы наклеивал, чтобы не узнали. Потом плюнул на эту «маскировку».

Как-то его давний знакомый подошёл и сказал с укоризной: «Что же ты, Борис, так позоришься!» Тот в ответ: «Может, я

чего не понимаю. Но, выходит, подыхать — достойное занятие для музыканта. А играть на улице — недостойное»...

На ВВЛ, у памятника Ленину, по выходным можно застать другого профессионала высочайшего уровня — Андрея Вылова. На электрогитаре, включенной в комбик, он обычно исполняет свою сольную программу из классического репертуара.

После окончания Гнесинского училища работал в симфоническом оркестре. И в разных популярных эстрадных коллективах. Уличный эксперимент начал не в России, а в Швейцарии.

Туда отправился вместе с друзьями-корреспондентами. Купили вполне легальный патент. И спокойно выступали в разрешённых местах, соблюдая тамошние правила... У нас же всё зависит от того, как и на сколько договориться с местными ментами.

Знает Антонина Степановна, что многочисленные криминальные группировки не обладают данью музыкантов. Ни разу не предлагали им «крышу». Поскольку даже среди отъявленных бандитов считается дурным тоном брать деньги с убогих и нищих. К каковым они их причисляют.

Зато подавляющее большинство представителей так называемых правоохранительных органов Москвы готовы при первой возможности обобрать до нитки кого угодно... Не случайно давно ходят разговоры-мечтания об организации чего-то вроде гильдии бродячих артистов.

Она смогла бы, во-первых, узаконить их труд по, так сказать, несению искусства в народные массы. И, во-вторых, оградить от милицейских поборов. Ради этого все они готовы официально отчислять часть заработанного в городской бюджет.

Впрочем, никто из знакомых Антонины Степановны не верит, что подобная гильдия когда-нибудь в обозримом будущем появится в насковье коррупционированной Белокаменной... А знает она действительно очень многих и очень разных музыкантов.

Совсем юных. Молодых. Среднего возраста. Пожилых. Старых. Профессионалов и любителей. Симпатичных и не очень. Угрюмых и весёлых. Замкнутых и открытых. Оптимистов и пессимистов.

Общительная 12-летняя Ира из подмосковной Ивантеевки учится в музыкальной школе. По выходным на «Комсомольской», в переходе с радиальной на кольцевую, старательно играет на скрипке. Откладывает деньги на хорошие духи для мамы. Около юного дарования обычно кучкуются старушки, называющие её «бедным ребёнком» и ругающие власти.

Угрюмо-замкнутый дядя Слава ежедневно приезжает на Арбат из Кузьминок. Его непрофессиональные, не слишком-то подвижные пальцы наигрывают на баяне то бравурные марши, то ностальгические песни. Он очень большой человек. Зарабатывает на лекарства.

Профессионал-оптимист Надежда Чернушкина уже несколько лет ухитряется кормить ребёнка и себя иргой на гитаре в подземном переходе на Большой Дмитровке. В Москву перебралась из Львова. Когда там «начали двигать украинскую культуру», ей «места не нашлось».

Вспомнила Антонина Степановна и прелестную, в белом платье, похожую на ангела девушку с виолончелью у гостиницы «Москва». И страшную, бомжеватого вида тётку, распевшую похабные частушки у Рижского вокзала.

Целый камерный хор из студентов с их короной «Аве Марией» в подземелье у «Арбатской». Струнный квартет второклассников консерватории, играющих в основном Вивальди в подземном переходе у Александровского сада. Ребят в чёрных джинсовых костюмах с гитарами, поющих битлов на три голоса у «Прспекта Мира».

Модно одетую красивую женщину с выразительными пальцами и изящной флейтой, из которой льются тихие, печальные мелодии в переходе между «Площадью Революции» и «Театральной».

И расхристанного, наголо обритого мужика с уголовной внешностью, выбивающего мозолистой рукой нечто невообразимое из выдавшей виды балалайки у метро «Сокольники».

Старого виртуоза-скрипача, извлекающего божественные звуки из своего инструмента в подземелье у «Фрунзенской». И молодого инвалида «чеченца» в камуфляже с неумелой гитарой и нестерпимо-графоманскими словами собственных песен у «Аэропорта».

Пожилую профессионала с переполненными тоской глазами и горестно-пронзительной мандолиной на «Курской», в переходе с кольца на радиальную. И средних лет, неунывающего пьянчужку-гармониста с сучковатыми пальцами, с немислимой искренностью исполняющего прокурным басом «Шумел камыш» у Белорусского вокзала...

Антонина Степановна взглянула на будильник. Стрелка уже почти вплотную приблизилась к одиннадцати... Она встала с кровати. Привела себя в порядок. Быстренько перекусила.

Взяла пакет с раскладным стульчиком и улыбаясь в предвкушении сегодняшних встреч с давними и новыми знакомыми.